

На правах рукописи

Антипин Николай Александрович

**РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. 1904–2000-е гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Челябинск – 2013

Работа выполнена на кафедре истории дореволюционной России ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет».

Научный руководитель –

Нарский Игорь Владимирович,
доктор исторических наук, профессор.

Официальные оппоненты:

Нагорная Оксана Сергеевна,
доктор исторических наук, проректор по научной работе ЧОУ ВПО «Южно-Уральский институт управления и экономики»;

Чернова Нина Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет».

Ведущая организация –

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Защита состоится 29 ноября 2013 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.298.13 при ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет) (454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, ауд. 1007).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского государственного университета.

Автореферат разослан 27 октября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Русско-японская война 1904–1905 гг. стала важной страницей истории России. Она катализировала революционные процессы внутри страны, повлияла на формирование военно-политических блоков в Европе. Кампания неоднозначно была воспринята в российском обществе. Изначально в коллективной памяти не сформировалось единого образа Русско-японской войны. Революционные события, идеологические повороты советской власти, плюрализация общественного сознания после распада СССР оказали существенное влияние на восприятие конфликта потомками, способствуя возрастанию или затуханию общественного интереса к этой теме.

Изучение трансформации образов войны в культурной памяти содействует пониманию механизмов репрезентации прошлого в общественном сознании, роли власти и общественных институтов в этом процессе, что, в свою очередь, наглядно показывает «изменчивость» прошлого, зависимость содержания образов исторических событий от современности. Изучение культурной памяти является перспективным направлением в исторической науке. Исследование восприятия прошлого даёт возможности расширить горизонты познания истории и современности.

Объект исследования – культурная память российского общества.

Предмет исследования – образы Русско-японской войны 1904–1905 гг., их формирование в российском общественном сознании и трансформирование в культурной памяти.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1904 г. до конца 2000-х гг. Нижняя временная граница исследования определена началом Русско-японской войны, а верхняя включает в себя столетие конфликта и коммеморацию, связанную со столетней годовщиной.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Российской империи, СССР и Российской Федерации.

Степень научной изученности темы. Историография Русско-японской войны обширна: за последние сто лет опубликованы тысячи статей и книг. Тем не менее, проблема места войны в культурной памяти российского общества для исторической науки является относительно новой.

Историографию этого вопроса целесообразно разделить на два блока: работы, посвященные изучению восприятия русско-японского конфликта современниками, и исследования образов войны в культурной памяти. Уже в годы войны и вскоре после Портсмутского мира появились первые работы, в которых рассматривался вопрос восприятия конфликта в российском обществе. Один из первых примеров – брошюра М. Сурина¹. В ней автор рассмотрел вопрос отношения к войне крестьянства и заметил неоднозначность восприятия войны в крестьянской среде.

В 1930-е гг. в советской историографии, а больше в публицистике или дидактической литературе, был разработан вопрос отношения большевиков к войне. Эта проблема требовала особого объяснения, т. к. в годы Русско-японской войны большевики во главе с В. И. Лениным стояли на пораженческих позициях, в новых условиях это необходимо было согласовать с патриотической риторикой. Таким образом, вопрос отношения к войне большевиков нашёл отражение в «Кратком курсе» и его логическом продолжении – брошюре Е. М. Ярославского².

Пожалуй, впервые гетерогенность восприятия Русско-японской войны российским обществом охарактеризовал Б. А. Романов. Историк схематично обозначил существовавшие в годы войны позиции восприятия конфликта, но не стал вдаваться в содержание образов войны. Так, Б. А. Романов отметил, что часть «господствующего класса», либеральная часть буржуазии и помещиков, часть офицерства и армии относились к войне «апатично» или выступали против войны³. Таким образом, историк очертил научную проблему, но её решение не входило в задачи его исследования.

В последующие годы в советской историографии не сложилось направления изучения восприятия конфликта современниками. Выделяется три публикации: статьи П. С. Выходцева, А. Агеева и К. Ф. Шацилло. Каждая из статей заслуживает особого внимания, т. к. своими публикациями авторы открывали новые направления в обозначенной проблематике. П. С. Выходцев⁴

¹ См.: Сурин М. Война и деревня. М., 1907.

² См.: История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938; Ярославский Е. Русско-японская война и отношение к ней большевиков. М., 1939.

³ См.: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947.

⁴ См.: Выходцев П. С. Русско-японская война в литературе эпохи Первой русской революции // Революция 1905 года и русская литература. М.; Л., 1956. С. 280–320.

попытался представить восприятие Русско-японской войны русскими писателями – современниками конфликта⁵. Важным его достижением стал вывод, что в русской литературе в годы войны сформировалось несколько позиций восприятия конфликта. Однако он выделил всего две: реакционную и демократическую. Особенно подробно П. С. Выходцев остановился на анализе «Красного смеха» Л. Н. Андреева, поэзии В. Я. Брюсова и рассказах В. В. Вересаева. К сожалению, за рамками исследования остался огромный пласт произведений, в том числе консервативного толка.

В начале 1980-х гг. К. Ф. Шацилло⁶ поднял вопрос отношения к войне либералов. В небольшой статье он представил процесс эволюции восприятия войны от поддержки действий правительства до пораженчества. Если раньше немногочисленные авторы говорили лишь о наличии нескольких позиций отношения к конфликту, то К. Ф. Шацилло акцентировал внимание на том, что сам ход войны влиял на её восприятие в русском обществе. Об этом же писал и П. С. Выходцев, анализируя поэзию В. Я. Брюсова.

Военный историк А. Агеев⁷ в своей статье обратился к проблеме утилизации военного опыта и проанализировал анкеты, в которых офицеры представили своё видение причин поражения России в войне. Несмотря на узость рассматриваемой в статье проблемы, она открыла новое исследовательское поле – изучение ретроспективного образа войны.

Историографическая ситуация существенно изменилась в 1990-е гг., когда стало возможно исследовать ранее непопулярные темы, к тому же российские историки получили в своё распоряжение новый методологический инструментарий, который спровоцировал появление исследований, посвященных восприятию современниками Русско-японской войны и её месту в культурной памяти российского общества.

Одним из первых исследователей, комплексно подошедшим к изучению этой проблемы, стала Е. С. Сенявская. Она не только разработала концепцию «образа войны», но и применила её на практике на примере Русско-японской

⁵ Спустя 40 лет к этой проблеме обратился Д. Уэллс, который опубликовал статью «Русско-японская в русской литературе», однако в основном он повторил П. С. Выходцева, хотя и не был знаком с его статьей: Wells D. The Russo-Japanese War in Russian Literature // The Russo-Japanese war in cultural perspective, 1904–05. N. Y., 1999. P. 108–133.

⁶ См.: Шацилло К. Ф. Либералы и Русско-японская война // Вопросы истории. 1982. № 7. С. 103–114.

⁷ См.: Агеев А. Офицеры русского Генерального штаба об опыте Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1975. № 8. С. 99–104.

войны. Однако в задачи историка входило лишь рассмотрение механизмов трансформации образа войны, поэтому Е. С. Сенявская особо сосредоточилась на вопросе эволюции ретроспективного образа войны (доопытного, пропагандистского) в синхронный, который формируется на основе личного опыта комбатанта⁸.

В том же русле выполнено исследование Л. В. Жуковой⁹. В своей диссертации автор досконально изучила проблему знакомства русских и японцев, ситуацию восприятия Японии в России накануне войны. В диссертации был представлен ретроспективный и синхронный образы войны. Л. В. Жукова весьма убедительно показала, что причины неудачи России во многом были связаны с неадекватной идеологической подготовкой кампании, отсутствием четкого и понятного обоснования необходимости войны. Однако историк не стала углубляться в изучение палитры образов войны.

Канадский историк Д. Схиммельпенник ван дер Ойе¹⁰, так же как и Л. В. Жукова, остановился на предвоенной ситуации в российском обществе и правительственных кругах. Одну из причин конфликта он увидел в неадекватном восприятии международной ситуации в Восточной Азии представителями правительства, и, главным образом, С. Ю. Витте.

В 2000-е гг. в России появилось несколько диссертаций, предмет исследования которых заключался в изучении восприятия Русско-японской войны в русской армии и флоте, в российском обществе в целом или в отдельных частях империи: в Сибири, на Дальнем Востоке и в Поволжье¹¹. М. А. Сорокина пришла к выводу, что именно неудовлетворительное моральное состояние личного состава русского флота оказало существенное

⁸ См.: Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 280–288.

⁹ См.: Жукова Л. В. Идеологическое обоснование Русско-японской войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

¹⁰ См.: Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

¹¹ См.: Воробьева Э. А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009; Буранок А. О. Информационное обеспечение Русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): дис. ... на канд. ист. наук. Самара, 2008; Сорокина М. А. Моральное состояние личного состава Флота Тихого океана в период русско-японской войны 1904–1905 годов: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006; Смирнова Е. А. Отношение провинциального общества к Русско-японской войне в 1904–1905 гг.: на материалах губерний Верхнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2006

влияние на исход действий на море. Однако нельзя согласиться с тезисом исследователя, что война сплотила российское общество и вызвала патриотический подъём¹². Относительно исследований Э. А. Воробьевой и А. О. Буранок возникает вопрос целесообразности рассмотрения проблематики восприятия войны, или её информационного обеспечения, на региональном уровне.

Особо необходимо остановиться на диссертационном исследовании Е. А. Гладкой¹³. Историк поставила перед собой цель «выявить отношение к войне разных слоев российского общества и проследить его эволюцию за время войны»¹⁴. Е. А. Гладкая на практике применила концепцию «образа войны» Е. С. Сенявской. Однако в отдельных случаях автор диссертации лишь проиллюстрировала теоретические размышления Е. С. Сенявской цитатами из источников. В исследовании автор рассмотрела отношение российского общества к войне, опираясь на известную структуру политического спектра: консерваторы, либералы и радикалы. Е. А. Гладкая представила отдельно восприятие войны в обществе и в действующей армии, флоте. С одной стороны, это правомерно, т. к. комбатанты имели возможность формировать образ войны, образ врага с опорой на личный опыт. Но, с другой стороны, армия является частью общества. Тем не менее, работа заслуживает внимания, т. к. это первая попытка систематизации палитры образов Русско-японской войны¹⁵.

Следующий историографический блок представлен исследованиями образов войны в культурной памяти. По-видимому, одним из первых, кто

¹² См.: Сорокина М. А. Моральное состояние личного состава Флота Тихого океана в период Русско-японской войны... С. 59.

¹³ См.: Гладкая Е. А. Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX века...

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Отдельные положения представленных исследований были дополнены отдельными статьями: Шацилло В. К. Япония и японцы глазами русских военнопленных, 1904–1906 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 349–357; Шацилло В. К., Шацилло Л. А. От «макак» до самураев: трансформация образа японцев в восприятии русских участников войны 1904–1905 гг. // Россия в международных конфликтах начала XX века (Русско-японская и Первая мировая война). М., 2009. Вып. 3. С. 44–52; Ермаченко И. О. Образы Русско-японской войны в иллюстрациях отечественной прессы 1904–1905 гг.: специфика визуализации // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск, 2008. С. 193–213; Николенко А. В. Современники об итогах Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2009. М., 2009. С. 176–187; Золотарев В. А., Старжинский Н. А. Российское общество в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов // Война и общество в XX веке: в 3 кн. М., 2008. Кн. 1. С. 81–98.

обратился к этой проблеме, был историк Д. А. Седых¹⁶. Он изучил восприятие Русско-японской войны в XX в. и пришёл к выводу, что в культурной памяти российского общества существует два принципиально отличных образа войны. Один из них – героический, другой – трагический. Однако формат статьи ограничил автора в возможности всесторонне рассмотреть поставленную проблему. За рамками исследования Д. А. Седых остался значительный корпус источников. На проблеме складывания героического образа его эволюции и современного состояния войны остановилась Л. В. Жукова¹⁷. Несмотря на то, что в статье особое внимание уделяется дореволюционному периоду, автор точно отметила, что современное представление о Русско-японской войне в российском обществе сводится к образу крейсера «Варяг».

В отдельную группу следует выделить историографические исследования. В 2004 г., очевидно, к 100-летию войны Д. Б. Павлов подготовил историографический обзор, в котором выделил и охарактеризовал три этапа развития историографии: дореволюционный, советский и постсоветский¹⁸. Попытку тематического историографического исследования предпринял Д. В. Лихарев. Он систематизировал и классифицировал оценки Цусимского сражения историками¹⁹. В этой группе исследований выделяется диссертация В. М. Урбановича²⁰. Примечательной особенностью его работы является комплексность: он собрал и проанализировал корпус историографических источников. Выводы, представленные В. М. Урбановичем, согласуются с результатами настоящего диссертационного исследования.

¹⁶ См.: Седых Д. А. Оптимистическая трагедия или национальная драма? (О формировании образа русско-японской войны в общественном сознании) // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 259–279.

¹⁷ Жукова Л. В. «Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”...»: Героические образы Русско-японской войны в исторической памяти россиян // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2009. № 1. С. 68–80.

¹⁸ См.: Павлов Д. Б. Российская историография и археография Русско-японской войны 1904–1905 гг.: основные периоды, идеи и направления // Отечественная история. 2004. № 3. С. 144–157.

¹⁹ См.: Лихарев Д. В. Цусимское сражение 14–15 мая 1905 г. Историографические проблемы. Усурийск, 2009.

²⁰ См.: Урбанович В. М. Отечественная историография Русско-японской войны 1904–1905 гг. как форма культурной памяти: стратегии детравматизации национальной идентичности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

Кроме того, необходимо отметить монографии Ф. Б. Шенка и Е. В. Волкова²¹. Эти два весьма далеких друг от друга по тематике исследования являются хорошим примером использования методологии истории памяти в практической работе.

Цель исследования заключается в изучении процесса формирования и трансформации образов Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Для её достижения необходимо решить следующие **задачи**:

- выявить основной массив источников, в которых представлены образы Русско-японской войны;
- реконструировать восприятие кампании в российском обществе во время войны и после её завершения;
- изучить процесс встраивания Русско-японской войны в культурную память советского общества;
- выявить значение общественно-политических процессов в трансформации образов Русско-японской войны в постсоветском обществе;
- выделить этапы трансформации образов Русско-японской войны в культурной памяти российского общества.

Методологические основания исследования находятся в области культурной истории. Работа выполнена в русле истории памяти (memory studies). Главным предметом истории памяти является не событие прошлого, а память о нём, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях²². Определяющими понятиями для диссертации стали «коллективная память», «культурная память», «образ», «образ врага», «места памяти», «коммеморация».

Основоположником истории памяти является французский социолог М. Хальбвакс. Он разработал концепцию «коллективной памяти» – особой формы социально конструируемой и транслируемой индивидуальной памяти²³. Идеи М. Хальбвакса развил немецкий египтолог Я. Ассман. Он разделил коллективную память на две «памяти»: коммуникативную и культурную.

²¹ См.: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007; Волков Е. В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008.

²² См.: Репина Л. П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 9.

²³ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

Коммуникативная память охватывает воспоминания современников событий и поддерживается их совместным общением в рамках индивидуальных биографий. Культурная память – это значимые для социума традиции и образы прошлого, приобретающие формы мифов и поддерживающиеся с помощью ритуалов и праздников, искусства и литературы, коммеморативных практик²⁴. Последнему А. Мегилл дал такое определение: «Коммеморация – это сохранение в общественном сознании памяти о каких-либо значимых событиях прошлого. Коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий»²⁵. Коммеморация предполагает создание «мест памяти» (автор концепции П. Нора)²⁶. «Места памяти» – это точки пересечения, концентрации культурной памяти. Их функция – сохранение коллективной памяти. Они напоминают о прошлом и наполняют смыслом жизнь в настоящем²⁷.

Другой основополагающей дефиницией исследования является «образ врага». Образ – это «явление, возникающее как результат запечатления одного объекта в другом, выступающего в качестве воспринимающей формации – духовной или физической. Образ есть претворение первичного бытия в бытие вторичное, отраженное и заключенное в чувственно доступную форму»²⁸. Использование концепции Е. С. Сеньявской «образ войны» особенно полезно для изучения процесса складывания представлений о войне среди современников. Историк выделила три стадии трансформации «образа войны»: прогностический, синхронный и ретроспективный образы. «Образ войны» – это сложная структура, она включает в себя образ врага, собственный образ, представления о характере войны, её масштабах, соотношении сил и перспективах²⁹.

²⁴ См.: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 58–59.

²⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология: Научная монография. М., 2007. С. 116.

²⁶ См.: Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция – память. СПб., 1999. С. 17–50.

²⁷ См.: Хмелевская Ю. Ю. Введение: О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 13.

²⁸ Культурология. XX век: Энциклопедия / гл. ред., сост. С. Я. Левит. СПб., 1998. Т. 2. С. 102.

²⁹ См.: Сеньявская Е. С. «Образ войны» в массовом сознании и исторической памяти: вопросы теории и методологии // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 318–329.

Источниковая база исследования. Работа выполнена на обширном комплексе неопубликованных и опубликованных источников. В исследовании нашли отражение архивные документы из 5 федеральных архивов: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА); 1 ведомственного – Научно-вспомогательного архива Государственного исторического музея (НВА ГИМ), а также 3 региональных: Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО).

Все привлеченные источники распадаются на два типа: письменные и изобразительные. Значительный корпус текстов, привлеченных для исследования, – это *источники личного происхождения* (воспоминания, дневники, личная переписка)³⁰. Их авторы – участники Русско-японской войны или современники. Основная часть мемуаристики была издана в периодической печати вскоре после завершения войны, поэтому данная группа источников раскрывает восприятие кампании комбатантами. Отдельные источники личного происхождения советского периода были использованы при рассмотрении вопросов создания художественных произведений и научных трудов, посвященных войне 1904–1905 гг.

³⁰ См., например: Александровский Г. Цусимский бой: 50 лет, 1905–1955 гг. Нью-Йорк, 1956; [Белькович Л. Н.] Сандепу и Мукден: (Воспоминания запасного) // Русская старина. 1908. № 1. С. 121–145; № 2. С. 393–403; № 10. С. 129–151; Витте С. Ю. Воспоминания: в 3-х т. 2-е изд. Л., 1924; Дикс М. Разгром Сахалина: (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1906. № 12. С. 878–900; Дитлов И. А. В походе и бою на броненосце «Адмирал Ушаков» // Русская старина. 1909. № 3. С. 489–502; № 4. С. 109–145; Дневник А. Н. Куропаткина / вступ. ст. М. Н. Покровского // Красный архив. 1922. № 2. С. 5–117; Дневник полковника С. А. Рашевского: (Порт-Артур, 1904) / предисл. А. Л. Сидорова // Исторический архив. 1954. № 10. С. 1–344; Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. СПб., 2010; Костенко В. П. На «Орле» в Цусиме: Воспоминания участника Русско-японской войны на море в 1904–1905 гг. Л., 1955; [Мелик-Парсаданов Н. А.] Последние дни Порт-Артура: (Из воспоминаний участника обороны) // Мир божий. 1905. № 10. С. 1–33; № 11. С. 65–97; Пикуль А. И. Валентин Пикуль. Из первых уст. М., 1995; Шумский К. В плену у японцев // Исторический вестник. 1907. № 5. С. 475–502; «Это не война, а какая-то адская затея...»: (Письма Н.О. Эссена из Порт-Артура) / вступ. ст., коммент. и подготовка текста В. А. Петрова // Отечественные архивы. 1996. № 3. С. 44–73 и др.

Другой важный источник для изучения поставленной проблемы – *публицистика*³¹. Это публикации современников в газетах, журналах, брошюрах, посвященных войне в целом, её отдельным вопросам. Эти источники позволили реконструировать позиции восприятия русско-японского конфликта в российском обществе, а также проследить процесс утилизации военного опыта. Отдельную группу составляют сочинения В. И. Ленина, И. В. Сталина, Е. М. Ярославского. Они оказали существенное влияние на конструирование образов войны, особенно в период актуализации темы русско-японского конфликта в конце 1930-х – 1940-е гг. Стоит отметить, что на протяжении всего советского периода заметно большое влияние на содержание образа войны оценок и высказываний В. И. Ленина и И. В. Сталина. К революционной публицистике весьма тесно примыкают *листовки РСДРП*³², которые в российском источниковедении принято выделять в самостоятельный вид источников.

Значительная часть исследования посвящена анализу содержания и процесса создания *литературно-художественных произведений*³³, что

³¹ См., например: А. Г. Случайные заметки: Евреи и война // Русское богатство. 1904. № 8. С. 170–171; Альфонсов И. В. Мысли о значении Русско-японской войны. Казань, 1909; Витте С. Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета ген.-ад. Куропаткина о войне с Японией. М., 1911; Геройский бой 2-х судов под Чемульпо с 14-ю японскими судами. СПб., 1904; Из общественной хроники // Вестник Европы. 1904. № 5. С. 426–440; [Куропаткин А. Н.] Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне: Итоги войны. Изд. 2-е. – Berlin: J. Ladyschnikow Verlag G. m. b. H., 1911; Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1972. Т. 9. С. 151–159; Он же. Разгром // Там же. Т. 10. С. 251–255; Мартынов Е. И. Из печального опыта Русско-японской войны. СПб., 1906; Мякотин В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1904. № 2. С. 135–165; Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1948; Толстой Л. Н. «Одумайтесь!»: Статья по поводу Русско-японской войны. М., 1917; Южаков С. Политика // Русское богатство. 1904. № 11. С. 250–254 и др.

³² См.: Уральские листовки периода Русско-японской войны (1904–1905 гг.) / вступ. ст. Л. С. Юдиной // Историко-политологический альманах / под ред. Г. А. Гончарова, М. Г. Смирнова. Челябинск, 2006. С. 7–36.

³³ См., например: Андреев Л. Н. Повести и рассказы. Челябинск, 1979; Белорецкий Г. Избранное. Уфа, 1958; Билит. Перед походом // Мир Божий. 1905. № 4. С. 30–63; Борисов Т. М. Портартурцы: роман. Владивосток, 1959; Гребнер Г. Э. Песнь о «Варяге»: Киносценарии. М., 1946; Далецкий П. На сопках Маньчжурии. Роман. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1953; Новиков-Прибой А. С. Цусима: Роман в 2-х книгах. Челябинск, 1994; Пикуль В. Богатство: Два романа. – Л., 1978; Он же. Избранные произведения в XII томах. Т. V. Каторга: трагедия былого времени. М., 1993; Он же. Крейсера: Роман из жизни юного мичмана. М., 1990; Сергеев А. С. «Варяг»: Роман. М., 1946; Он же. «Стерегающий». М., 1957; Степанов А. Порт-Артур. В 2-х т. М.: Слог, 1993; Халилецкий Г. «Аврора» уходит в бой: Повесть. Владивосток, 1971; Юшкевич С. Левка Гем // Мир Божий. 1905. № 1. С. 121–145 и др.

позволило реконструировать содержание образов, опыт их создания. В работе использовались сочинения периода войны – Л. Н. Андреева, Билита, А. Б. Дермана, К. А. Ковальского, Л. А. Сулержицкого, В. В. Вересаева, Г. П. Белорецкого, П. Ф. Якубовича, В. Г. Тана, С. С. Юшкевича, А. И. Куприна, В. Я. Брюсова, А. А. Блока, К. Д. Бальмонта, а также романы, написанные спустя несколько десятилетий после её окончания, – А. С. Новикова-Прибоя, А. Н. Степанова, П. Л. Далецкого, А. С. Сергеева, Т. М. Борисова, Г. Г. Халилецкого, В. С. Пикуля, сценарий Г. Э. Гербера, пьесы А. Н. Степанова и И. Ф. Попова, Н. В. Верзакова и В. А. Черноземцева. Особую группу источников образуют *рецензии и литературная критика*, обращение к которым позволило исследовать процесс восприятия художественных произведений, кинофильмом и театральными постановками читателями и зрителями.

Для настоящей работы источником также является *историография Русско-японской войны*³⁴ – весь корпус монографий, статей, публикаций источников, посвященных войне в целом или отдельным её аспектам. Первые исторические труды по истории конфликта появились вскоре после его завершения. Это были многотомные издания военно-исторических комиссий, описывавших военные действия на суше и на море. Основной массив историографических источников появился в советский период. Это труды М. Н. Покровского, Б. А. Романова, П. Д. Быкова, Н. М. Левина, Н. А. Левицкого, А. Л. Сидорова, А. И. Сорокина, И. И. Ростунова и других. Анализ их содержания позволяет проследить, насколько научные работы

³⁴ См., например: Гальперин А. Англо-японский союз. 1902–1921 годы. М., 1947; Дискант Ю. В. Порт-Артур, 1904. М., 2003; Добров А. Дальневосточная политика США в период Русско-японской войны. М., 1952; Звонарев В. А. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Борьба на море. М., 1990; История Русско-японской войны 1904–1905 гг. / под ред. И. И. Ростунова. М., 1977; Карбышев Д. Оборона Порт-Артура (1904 год). М., 1933; Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор. (Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг.). М., 1961; Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1935; Мартин К. Русско-японская война. 1904–1905. М., 2003; Мельников Р. М. «Рюрик» был первым. Л., 1989; Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и на море. М., 2004; Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. III. Вып. I. М., 1923; Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947; Русско-японская война 1904–1905 гг. В 9 т. / Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб., 1910; Русско-японская война 1904–1905 гг. / Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе. СПб., 1912–1917; Сорокин А. И. Русско-японская война 1904–1905 гг.: (Военно-исторический очерк). М., 1956 и др.

зависели от политической конъюнктуры и идеологических установок. Новая волна научных и научно-популярных трудов по истории Русско-японской войны возникла в 1990-е гг.

*Дидактическая литература и учебные пособия*³⁵. Эта группа источников объединила «Историю Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», школьные и вузовские учебники по истории. На их основе, а также с привлечением публицистики, изучены механизмы интеграции и утверждения в коллективной памяти актуальных образов Русско-японской войны и их инструментализация.

*Делопроизводственная документация*³⁶. Данная группа источников объединила архивные документы разного времени. «Всеподданнейшие еженедельные записки» о наиболее важных происшествиях и настроениях в российском обществе в годы войны. Он позволил существенно скорректировать официальные сообщения о восприятии войны в обществе и масштабах патриотического подъёма в начале войны. Другой комплекс документов – стенограммы заседаний Комитета по присуждению Сталинских премий. Документы дают возможность реконструировать процесс выдвижения и определения лауреатов премии, выявить оценки произведений.

В диссертации нашло отражение *устное народное творчество* (песни, частушки), а также песни, получившие широкое распространение в годы Русско-японской войны и после неё: «Памяти “Варяга”», «Раскинулось море широко...» и другие³⁷. Фольклор способствовал изучению образов войны в

³⁵ См., например: Базилевич К. В. и др. История СССР: Учебник для 10 класса средней школы / под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 7-е. М., 1948; Бочаров Ю. М., Иоаннисиани А. З. Учебник истории классовой борьбы. XVIII–XX века. Изд. 2-е стереотип. М.; Л., 1928; Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России, XX век: учеб. пособие для 9 кл. общеобразоват. учрежд. М., 1995; Долуцкий И. И. Отечественная история XX века: Учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учрежд.: В 2 ч. Изд. 3-е, испр. и переработ. М., 1998; История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП (б). М., 1938; История СССР (XIX – начало XX в.): Учебник / под ред. И. А. Федосова. М., 1981; Краткий курс истории СССР: Учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. А. В. Шестакова. М., 1937 и др.

³⁶ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 37; Ф. Р-6903. Оп. 26. Д. 26, 39. Оп. 15. Д. 186; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 700, 722, 729. Оп. 16. Д. 78. Оп. 24. Д. 344; Ф. 2073. Оп. 1. Д. 2, 21, 13, 55. Оп. 2. Д. 32, 33; Ф. 2456. Оп. 1. Д. 1313; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 454; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 23 и др.

³⁷ См.: Песни оренбургских казаков: В 4 т. / сост. А. И. Мякутин. Оренбург; СПб., 1904–1910; Частушки / сост., авт. предисл. и коммент. Л. А. Астафьева. М., 1987; Частушки / сост., вступ. ст., подг. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1990; Священная война: Песни победы / сост. В. А. Костров, Г. Н. Крансиков. М., 2005. С. 44–48.

народной среде. Песни, а также известный вальс «На сопках Маньчжурии» (музыка и несколько вариантов стихов), являются важными источниками для понимания процесса формирования и трансформации образов войны с Японией в культурной памяти российского общества, т. к. они не были забыты после 1917 г., издавались в песенниках, записывались на грампластинки и т. п.

В особую группу источников входят *интернет-источники*. Они важны для изучения того, как в начале XXI в. в российском обществе воспринимается Русско-японская война. Для этого анализируются тематические интернет-ресурсы, посвященные Русско-японской войне³⁸. Их авторы и участники самостоятельно занимаются изучением истории войны и собирают широкий круг источников и литературы.

Согласно классификации источников, *изобразительные источники*, составляют самостоятельный тип. В настоящем исследовании использовались *плакаты* и *фотографии*³⁹ военной поры. Изучение плакатов, призванных сформировать в народной среде актуальный и функциональный образ врага, помогает понять, какой образ войны пыталась сконструировать пропаганда в общественном сознании. В работе используются фотоальбомы, в которые вошли снимки военного времени. Это тематические собрания фотографий, посвященные «боевому пути» отдельных воинских формирований в годы Русско-японской войны, и, вероятно, ориентированные на офицерский состав подразделений⁴⁰. Появление фотоальбомов стало одним из первых актов коммеморации.

Особую группу источников образуют «*места памяти*»⁴¹, созданные на территории России, Китая и Японии. Исследование вопросов их появления, содержания, функционирования и отношения к ним общества и власти в разные периоды истории – это ещё один из способов изучить процесс конструирования культурной памяти.

³⁸ См.: <http://www.port-arthur.ucoz.ru>; <http://www.grandwar.kulichki.net/japanwar/index.html>; <http://www.tsushima.su>; <http://www.rjw.narod.ru>; <http://www.rusjapwar.narod.ru>.

³⁹ Фонд изобразительных материалов. Коллекция плакатов Русско-японской войны 1904–1905 гг. Государственного исторического музея.

⁴⁰ Альбом боевой жизни XVII армейского корпуса во время Русско-японской войны 1904–1905 г. / сост. и издал Корп. воен. топографов, штаб.-кап. [В. К.] Рождественский. [СПб.], [1907]. 54 табл.; 216 пехотный Инсарский полк. Русско-японская война 1904–1905 гг.: В 3 альбомах / фотограф А. М. Прокудин-Горский. Б. м., б. г.

⁴¹ Например, памятники: «Стерегущему» в Санкт-Петербурге, адмиралу С. О. Макарову в Кронштадте, Р. И. Кондратенко в г. Сувалки, оренбургским казакам в станицах Миасской, Травниковской и Степной Оренбургской губернии и др.

В работе также использовались *кинодокументы*: художественные фильмы «Моряки» (1939 г.) и «Крейсер “Варяг”» (1946 г.), спектакль «Порт-Артур» (1953 г., запись 1964 г.). Появление названных источников – это способ закрепить в общественном сознании актуальные и функциональные образы Русско-японской войны, своеобразный итог трансформации культурной памяти в советский период. В эту же группу источников вошли документальные фильмы и передачи, появившиеся в большом количестве после 100-летия Русско-японской войны. Их анализ, совместно с другими видами источников, дал возможность представить палитру образов Русско-японской войны в культурной памяти российского общества в начале XXI в.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринята попытка изучения складывания и трансформации образов Русско-японской войны в культурной памяти российского общества от их зарождения до современности. Это позволяет в динамике проследить процесс эволюции культурной памяти, выявить механизмы её изменения, а также показать способы инструментализации образов Русско-японской войны.

Апробация и практическая значимость работы. Основные положения, результаты и выводы данного диссертационного исследования изложены в 39 публикациях, в том числе 3 статьях в изданиях перечня ВАК. Важнейшие положения исследования были представлены на многих научных конференциях в Челябинске (2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012 гг.), Москве (2011, 2012 гг.), Санкт-Петербурге (2008, 2011 гг.), Новосибирске (2009, 2012 гг.), Воронеже (2009 г.), Тобольске (2009 г.), Перми (2010 г.). В 2011 г. диссертационное исследование было поддержано стипендией Германского исторического института в Москве, а в 2012 г. грантом Фонда поддержки молодых ученых ЧелГУ.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории России, при разработке учебных пособий, лекционных и специальных курсов по истории памяти, истории Русско-японской войны.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертации, сформулированы цели и задачи исследования, дана характеристика его объекта, предмета, хронологических и территориальных рамок, рассмотрена методологическая база, представлен обзор источников, описана научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе **«Русско-японская война в восприятии российских современников. 1904–1917 гг.»** исследуется вопрос восприятия кампании современниками, реконструируются образы войны и процесс их трансформации, а также освоение военного опыта после заключения Портсмутского мирного договора.

В первом параграфе *«Отношение российского общества к дальневосточному конфликту»* исследуется вопрос восприятия Русско-японской войны в российском обществе. С первых дней войны официальная печать заговорила об оборонительном характере кампании, она постаралась представить войну как «отечественную». По всей стране устраивались патриотические манифестации, собрания, на которых выражались верноподданнические чувства и составлялись адреса в поддержку императора. Однако нельзя преувеличивать масштабы этого явления.

В российском обществе звучали также и антивоенные лозунги. В Санкт-Петербурге, Москве, в национальных окраинах империи уже в конце января 1904 г. звучали высказывания против войны, особенно это было заметно в среде студенчества. Весной того же года во всех крупных городах империи зафиксировано появление антивоенных листовок. К концу весны 1904 г. существенно сократились пожертвования на нужды войны, что также говорит об уровне поддержки правительства в дальневосточной кампании.

Такая ситуация была свойственна не только для города, но и для деревни. Крестьянство, ответившее на объявление войны верноподданническими адресами, тем не менее, относилось к кампании неоднозначно. М. Сурин в 1907 г. на основе писем от крестьян центральной России подсчитал, что только одна треть высказывалась в «военно-патриотическом духе» или была равнодушна, а четверть заявила о недовольстве и необходимости мира.

Таким образом, в российском обществе сформировалось несколько позиций, которые условно можно назвать: «консервативная», «либеральная» и

«радикальная». В основе этого разделения лежит политический спектр. Однако наряду с наиболее общими позициями восприятия войны выделяются и переходные формы.

На восприятие войны в российском обществе существенно влиял ход боевых действий. Особенно это заметно на «консерваторах», поддержавших монарха в начавшейся войне. После Цусимского сражения в среде «консерваторов» заговорили о мире и необходимости внутренних реформ. «Либералы», изначально весьма сдержанно выразившие свою позицию, постепенно однозначно назвали войну нецелесообразной в условиях необходимости разрешения внутривосточных проблем. Лишь позиция «радикалов» не менялась. Они с самого начала кампании выступали за поражение «царизма» в кампании, что должно было, по мысли В. И. Ленина, способствовать развитию в России революционной ситуации.

Во втором параграфе первой главы *«Многоликий противник: образ врага»* реконструируется восприятие японцев и Японии в российском обществе. Наиболее детально представления о противнике транслировались посредством плакатов. Почти на всех из них японцы изображались маленькими, неполноценными людьми с гипертрофированными признаками национальности: чересчур раскосые глаза, неестественные зубы и нос. Незрелость, неполноценность врага открывает другую важную тему – роль союзников. Япония представлялась марионеткой капиталистов и колонизаторов, т. е. США и Великобритании.

Подобный визуальный образ врага, разработанный в начале войны, разделяла и консервативная интеллигенция. Однако «консерваторы» в качестве врага России выделяют ещё один субъект – «либералов», выступающих против войны, а с началом революции в разряд врагов попали «рабочие», участвовавшие в забастовках.

«Либералы» видели в японцах развитую нацию, способную к масштабной модернизации, которая и привела к созданию образцового флота и сильной армии. «Радикалы» идеализировали японцев. По мнению В. И. Ленина, японский народ был превосходно вооружен и подготовлен к кампании, и вел справедливую войну.

Среди комбатантов в годы войны наблюдается эволюция образа врага. Если перед столкновением в русской армии слабо представляли противника и оперировали лубочными образами, то после непосредственного знакомства с

врагом комбатанты сформировали представления о японцах на основе личного опыта. Оказалось, что это такие же люди, культурные, образованные, выносливые, но при этом жестокие и коварные.

В третьем параграфе первой главы *«Россия и русская армия: образ своего»* рассматриваются образы России и русской армии. Россия на плакатах предстает в образе великана, крестьянина-бородача с добродушной улыбкой, беззаботно курящего моряка или крестьянина, сидящего в Порт-Артуре, казака Петрухи, жонглирующего телами противника. Таким образом, конструировался образ России – великой державы, которая прочно стоит на своей земле – Маньчжурии, а эта война и противник не воспринимаются русскими серьезно. Подобная визуализация образа России и русской армии вполне сочеталась с представлениями «консерваторов».

«Либералы» старались трезво оценивать возможности России. Они писали, что экономика страны не готова к войне. Политические и социальные проблемы ставят перед государством совсем иную повестку дня, чем удовлетворение внешнеполитических амбиций. Кроме того, российский флот и армия уступали в силе противнику на театре военных действий.

«Радикальный» образ русской армии сочетался с общим восприятием войны и России. В нём русский солдат – невежествен, пассивен, покорен, из него вытравлено всё человеческое, он полуавтомат. Генералитет и офицерство – «тупицы» и «карьеристы-проходимцы».

Изнутри армия представлялась комбатантам сложным организмом. В оценках, которые давались военными, поведения генералов и офицеров в боевой ситуации превалировали негативные характеристики: командиры неопытны, осторожны, безынициативны. Нижние чины забиты. Но при этом русские воины проявляют героизм и самопожертвование.

В четвертом параграфе первой главы *«Российское общество после конфликта: встраивание военного опыта в коллективную память»* исследуется проблема осмысления последствий войны после её завершения. Освоение военного опыта проходило в двух направлениях: увековечивание памяти о погибших и героях; осмысление итогов, уроков, значения войны.

Коммеморация Русско-японской войны имела несколько форм: учреждение памятных медалей и знаков отличия для некоторых воинских частей, установка памятников героям войны в России и за её пределами, обустройство воинских захоронений. Предполагалось, что крупнейшим

памятником погибшим станет храм Христа Спасителя в Санкт-Петербурге. В нём были помещены доски с именами погибших моряков. Другой важный аспект коммеморации был связан с воспоминаниями. С 1904 г. по 1916 г. в России появилось около 430 публикаций (с переизданиями) мемуаров и дневников участников войны. В воспоминаниях и дневниках описывался фронтовой быт глазами очевидцев. Авторы и издатели подчеркивали своё стремление предоставить читателю беспристрастную картину событий.

Параллельно с этим после войны был запущен масштабный проект по описанию войны. Этим занимались две комиссии: одна – сухопутным театром боевых действий, другая – морским. Одновременно с этим появилась масса публицистических и исторических работ, в которых описывался и анализировался ход войны, причины поражений, итоги и перспективы. Авторы, преимущественно военные, пришли к выводам, что Россия потерпела поражение из-за неготовности к кампании, слабой идеологической подготовки войны, отсутствие поддержки от общества, неудовлетворительная подготовка командного состава армии.

Первая мировая война прервала процесс встраивания полученного опыта. Если практические выводы из кампании были сделаны, например, в отношении развития флота, то в коммеморативном плане место Русско-японской войны в коллективной памяти российского общества так и не определилось.

Во второй главе диссертации **«Манипуляции с памятью: трансформации образов Русско-японской войны в 1920-е – 1950-е гг.»** исследуется вопрос трансформации образов войны с Японией после 1917 г.

В первом параграфе второй главы *«Повороты историографии»* рассматривается проблема репрезентации истории Русско-японской войны в советской историографии указанного периода. После революции вновь появились публикации источников, прежде всего, личного происхождения. На страницах журнала «Красный архив» были опубликованы дневники А. Н. Куропаткина и Г. А. Плансона и др. Большое значение для осмысления дальневосточной политики России имели воспоминания С. Ю. Витте, изданные в СССР в 1923–1924 гг. Они оказали влияние на изучение истории войны с Японией.

М. Н. Покровский предложил собственную концепцию истории войны, которую он изложил в «Русской истории в самом сжатом очерке». Его представление дальневосточных событий начала XX в. явились продолжением

«радикального» образа войны и интернационального подхода к дореволюционной истории. Согласно его концепции Россия долго и планомерно готовилась к войне, она же и стала инициатором столкновения. Симпатии историка остались на стороне Японии, а русскую армию он изобразил отсталой. Начиная с работ М. Н. Покровского, русско-японский конфликт в советской историографии будет представляться фоном для революции и в то же время катализатором внутривосточных потрясений.

Идеологический поворот середины 1930-х гг., а также обострение ситуации на дальневосточных границах СССР (советско-японские конфликты в 1938–1939 гг.) привели к трансформации историографических оценок Русско-японской войны. В данных условиях работы М. Н. Покровского не могли послужить основой для конструирования патриотических символов.

Со второй половины 1930-х гг. наблюдается постепенная героизация истории Русско-японской войны. В «Кратком курсе истории ВКП (б)», затем в работах Н. А. Левицкого, Н. М. Левина, школьных учебниках вырисовываются основные элементы образа. Разрешилось главное противоречие: патриотическая интерпретация войны и пораженчество большевиков. Была разработана конструкция, в которой солдаты-герои воевали против внешнего врага, а большевики-революционеры – внутреннего (царизма).

Окончательная реабилитация Русско-японской войны в культурной памяти советского общества произошла после войны с Японией и речи И. В. Сталина 2 сентября 1945 г. Важнейшие битвы, а также герои войны С. О. Макаров, Р. И. Кондаратенко, В. Ф. Руднев и другие были вписаны в героическое прошлое государства, что закрепилось в работах А. Л. Сидорова, А. И. Сорокина, Е. Д. Черменского.

Особое место в советской историографии занимают исследования Б. А. Романова. Историк представил войну с Японией как один из этапов на пути к Первой мировой войне. По мысли Б. А. Романова события 1904–1905 гг. стали результатом международных отношений в Европе, которые определили присоединение России к Антанте.

Во втором параграфе второй главы *«Образы войны в художественной литературе»* исследуется история создания художественных произведений, посвященных Русско-японской войне, и образы, транслируемые в них. Рассматриваются романы «Цусима» А. С. Новикова-Прибоя, «Порт-Артур» А. Н. Степанова, «На сопках Маньчжурии» П. Л. Далецкого, «Варяг» и

«Стережущий» А. С. Сергеева, «Портартурцы» Т. М. Борисова и повесть ««Аврора» уходит в бой» Г. Г. Халилецкого.

Важнейшим произведением, ставшим для многих советских читателей, пожалуй, единственным источником знаний о Русско-японской войне, был роман «Цусима», опубликованный в 1932–1934 гг. Почти сразу после выхода произведения А. С. Новиков-Прибой начал его переработку в сторону героизации и нивелирования революционной тематики. Однако лишь во второй книге романа удалось это сделать, поэтому в 1941 г. только она была удостоена Сталинской премии II степени.

А. Н. Степанов создал целый миф, представляя себя очевидцем событий. Это добавило роману правдоподобности. Но на самом деле в Порт-Артуре он никогда не был. В 1944 г., накануне Советско-японской войны, писатель по поручению ЦК ВКП (б) доработал произведение, а в 1945 г. «Порт-Артур» удостоен Сталинской премией I степени. К. М. Симонов в своих размышлениях, не предназначенных для печати, писал по этому поводу: «Этот очень интересный факт подтверждает утилитарность сталинского взгляда на исторические произведения. <...> В сорок втором или в сорок третьем году Сталин мог вполне сказать об этой нравившейся ему книге (роман «Порт-Артур» – Н. А.): нужна ли она нам сейчас? <...> А в 1946 г. Сталин счел, что эта книга нужна как нечто крайне современное, напоминание о том, как царь, царская Россия потеряла 40 лет назад то, что Сталин и возглавляемая им страна вернули себе сейчас»⁴².

Другие произведения, посвященные Русско-японской войне, не получили такого распространения, как романы «Цусима» и «Порт-Артур».

Как и в историографии, в художественной литературе отразилась концепция «двух войн»: одна – с внешним врагом, другая – с внутренним. Главные герои романов – мужественные, бесстрашные, самоотверженные русские солдаты, моряки и боевые офицеры. Им противостоит вероломный, хитрый и жестокий противник, который побеждает благодаря бездарности русского командования и неподготовленности России к войне. В произведениях прослеживается и четкая революционная линия борьбы с самодержавием.

⁴² Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 185–186.

В третьем параграфе второй главы *«Война на киноэкране и театральной сцене»* исследуется репрезентация Русско-японской войны в кинематографе и театральных постановках.

Несмотря на обилие литературы, Русско-японская война не стала популярной темой для советского кино. Её первое упоминание замечено в кинофильме *«Моряки»* (1939 г.), где возник образ неудачных и трагических событий Русско-японской войны, оставшихся в памяти её участников и потомков. При этом советский флот и советские моряки выступают в качестве наследников царских традиций и горького опыта поражений. Однако на этом фоне звучит и позитивная мысль о том, что катастрофа при Цусиме – это хороший урок, который учли советские моряки.

Победа СССР в войне с Японией актуализировала дальневосточные события 1904–1905 гг. В начале 1947 г. на экраны советских кинотеатров вышел фильм *«Крейсер “Варяг”»*. Несмотря на низкое качество постановки и режиссуры, он был награжден Сталинской премией II степени. В фильме транслировался героический образ русских воинов, защищавших не «империалистические интересы царизма», а Отечество.

Одновременно с выходом фильма началась работа над театральной постановкой романа *«Порт-Артур»*, на основе которого в 1946 г. драматург И. Ф. Попов и писатель А. Н. Степанов написали пьесу *«На Тихом океане»*. В ней получился оригинальный образ Русско-японской войны. Главная тема спектакля – это противоречия между военачальниками, в среде офицерства и их влияние на исход войны. Перед зрителем предстала война без боёв с японцами, но война с открытыми, полномасштабными «сражениями» внутри русской армии и флота.

В преддверии 50-летия Русско-японской войны по этой пьесе во многих театрах СССР были поставлены спектакли, получившие название *«Порт-Артур»*. В 1953–1954 гг. его премьеры состоялись в театрах Москвы, Ленинграда, Киева, Воронежа, Челябинска, Магнитогорска, Николаева, Новосибирска и, по-видимому, в других городах.

В четвертом параграфе второй главы *«50-летний юбилей войны: коммеморативные практики»* исследуется проблема чествования юбилея Русско-японской войны в 1954–1955 гг.

50-летняя годовщина Русско-японской войны явилась поводом для широкой «общественной дискуссии» о месте войны с Японией в культурной

памяти советского общества. В данном случае правомочно говорить о роли общества, т. к. именно от ветеранов Русско-японской войны и их окружения исходила инициатива проведения юбилейных мероприятий, которую поддержало государство. Это стало возможно благодаря разрешению «мемориальной» проблемы и конструированию легитимного образа Русско-японской войны. В 1954–1955 гг. образ Русско-японской войны транслировался посредством организации торжественных вечеров, приёмов и собраний с приглашением ветеранов войны; с помощью репрезентации в периодической печати, мемуаристике, художественной, научной, публицистической и учебной литературе; путём актуализации существующих и создания новых «мест памяти»; а также через демонстрацию художественного фильма, постановку спектаклей о войне. Это позволило различными средствами транслировать героический образ Русско-японской войны.

В третьей главе **«“Провалы” в памяти – войны памяти: образы Русско-японской войны в 1960-е – 2000-е гг.»** исследуется процесс трансформации культурной памяти во второй половине XX – начале XXI в.

В первом параграфе третьей главы *«Попытки переосмысления прошлого»* исследуется место Русско-японской войны в культурной памяти 1960-х – 1980-х гг. После 50-летней годовщины общественный интерес к теме Русско-японской войны пошёл на спад. Это было связано, по меньшей мере, с тремя факторами. Во-первых, произошла канонизация образа войны, т. е. исчезла потребность в осмыслении места русско-японского конфликта в отечественной истории. Во-вторых, постепенно из жизни ушли последние ветераны войны, которые традиционно являются «заказчиками» коммеморации героического прошлого. В-третьих, в середине 1950-х гг. произошла смена поколений: как в высших органах власти СССР, так и вообще в стране. Таким образом, период 1960-х – первой половины 1970-х гг. можно назвать «провалом» в памяти, что вполне согласуется с теорией истории памяти. В период «провала» фиксируется снижение активности обращения к этой теме и появления абсолютно новых источников.

Очевидный рост интереса к Русско-японской войне наблюдается со второй половины 1970-х гг. Примечательным является «феномен Пикуля». В. С. Пикуль посвятил Русско-японской войне четыре романа: «Богатство» (1977 г.), «Три возраста Окини-сан» (1981 г.), «Крейсера» (1985 г.), «Каторга» (1987 г.). В. С. Пикуль исключил из образа войны сложные конструкции. В его

представлении война с Японией была оборонительной, русская армия защищала не самодержавие, а свою страну, её честь. Он подчеркнул, что дореволюционная Россия и её история – это история Отечества. В его образе врага большое значение приобрел опыт советско-японских конфликтов 1930-х – 1940-х гг., поэтому в романах В. С. Пикуля образ японцев получил вневременную пренебрежительную окраску.

Во втором параграфе третьей главы *«Трансформация образов Русско-японской войны в культурной памяти постсоветского общества»* исследуется трансформация восприятия Русско-японской войны в 1990-е гг. Демократизация социальных и государственных институтов, плюрализация идеологического пространства привели к глобальным трансформациям в культурной памяти. Активная позиция общества и отдельных его субъектов в этом процессе привели к складыванию новых образов Русско-японской войны в культурной памяти. Формирующаяся палитра образов получила в своё распоряжение весь корпус источников и литературы. В результате выделилось множество позиций восприятия Русско-японской войны: от «неославянофильских» и конспирологических до интернационалистских и леворадикальных. Однако одновременно с этим начался процесс активного забывания «неудобных» эпизодов.

Значительное влияние на трансформацию восприятия Русско-японской войны оказала деактуализация революционной тематики. В новых условиях исчезла необходимость связывать революцию 1905–1907 гг. с Русско-японской войной. Между тем, это была одна из главных конструктивных основ образа. «Рана» позорного поражения в войне вновь стала «кровоточить». Историк А. В. Шишов, а затем и А. Н. Сахаров, выдвинули идею, что раз русская армия не была разгромлена, то и Россия не потерпела поражение в этой войне.

Наряду с этим оформился трагический образ войны, согласно которому Россия справедливо проиграла войну по объективным причинам или по «попущению Божию» за грехи народа и его царя.

С трагическим восприятием войны, отчасти основанным на религиозном мистицизме, соседствует конспирологический подход. В. Л. Махнач и Б. Г. Галенин представили войну с Японией как акт агрессии в отношении России и православия, инициаторами которого являлись Великобритания, США и другие мировые державы, а Япония выступает лишь их инструментом.

В 1990-е гг. изменилось тематическое поле исследований. Параллельно с традиционными направлениями изучения Русско-японской войны, такими как дипломатическая история, существенно расширилась проблематика военной истории, появились и развились в самостоятельные области исследования новые темы, например, история казачества и участия казаков в Русско-японской войне.

Важным источником для изучения восприятия Русско-японской войны спустя сто лет являются интернет-ресурсы. В сети Интернет существуют сайты, посвященные Русско-японской войне. Их создатели, как правило, это непрофессиональные историки, люди, интересующиеся историей, чаще всего определенной темой и прекрасно разбирающиеся в ней, знакомые с литературой и досконально знающие источники. Различные проекты сводятся к аккумуляции литературы и источников по отдельным эпизодам Русско-японской войны. Другая, не менее важная функция таких сайтов, – создание дискуссионной площадки для обсуждения общих тем и интересов.

Третий параграф третьей главы *«Столетие подвига: коммеморация и реставрация»* посвящен исследованию коммеморативных практик по поводу столетней годовщины Русско-японской войны.

50-летняя годовщина Русско-японской войны, отмечавшейся в СССР в 1954–1955 гг., стала коммеморативным пиком. После него наблюдались лишь незначительные и эпизодические проявления коммеморации. В 1964, 1974, 1984, 1994 гг. очередные годовщины прошли почти незамечено. Столетие Русско-японской войны, отмечавшееся в 2004 г., оказалось переломным этапом в коммеморативном процессе. Как и в 1954–1955 гг. коммеморация происходила не в целом всей войны, т. к. она была проиграна, а отдельных её событий: боя крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», обороны Порт-Артура и Цусимского сражения.

В 2004–2005 гг. в России и Южной Корее проходили траурные митинги, молебны, были открыты мемориалы в память о погибших русских и японских воинах, устраивались выставки и конференции. 27–28 мая 2005 г., в дни столетней годовщины Цусимского сражения, Фонд «Общественное мнение» провёл опрос с целью выяснить: что осталось в исторической памяти россиян об этих событиях столетней давности?⁴³ В результате оказалось, что о войне

⁴³ См.: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dominan2005/dom0522/dd052226>. 18.11.2012.

знают 34 % респондентов. Таким образом, около трети россиян более или менее четко представляют основные события и итоги Русско-японской войны. Война заняла достаточно прочное место в культурной памяти российского общества и в основном ассоциируется с боем в бухте Чемульпо, обороной Порт-Артура и Цусимским сражением.

9 февраля 2004 г. на телеканале «Россия» состоялся показ документального фильма «Крейсер “Варяг”». Он заложил целую традицию коммеморации сражения русских кораблей в бухте Чемульпо. В ходе съёмок фильма журналистам удалось обнаружить и посетить место у берегов Шотландии, где затонул крейсер «Варяг», в музее Инчхона (Чемульпо) они обнаружили гюйс корабля. Перед телезрителями «Варяг» предстал символом русского бесстрашия, самопожертвования и воинской доблести.

Документальный фильм получил значительный коммеморативный вес, т. к. в нём произошло обретение «мест памяти», связанных с крейсером, которые стали прочной основой для возвращения подвига русских моряков в культурную память российского общества. Вслед за фильмом последовала череда мемориальных мероприятий: установка памятника «Варягу», открытие музея В. Ф. Руднева, экспонирование гюйса крейсера в России. 11 ноября 2010 г. во время государственного визита президента Д. А. Медведева в Южную Корею состоялась передача властями г. Инчхон гюйса крейсера «Варяг» в собственность России. Таким образом, активная коммеморация Русско-японской войны, начавшаяся в связи с её столетием, была направлена на реанимацию героических образов войны.

В заключении представлены основные результаты исследования и выделены этапы формирования и трансформации образов Русско-японской войны 1904–1905 гг. в культурной памяти российского общества.

В годы Русско-японской войны в российском обществе сложилось несколько позиций восприятия войны, которые условно можно назвать «консервативная», «либеральная» и «радикальная». Каждая из них выработала собственное отношение к кампании, врагу и образу России. Если «консерваторы» предпринимали попытки представить Русско-японскую войны в образе отечественной, то «либералы» уже в самом её начале задались вопросами об интересах России на Дальнем Востоке, целесообразности войны и соотношения её с внутренними проблемами. Маргинальную позицию

занимали «радикалы», выступившие за поражение России, которое должно было катализировать революционные процессы внутри страны.

После Портсмутского мира встраивание военного опыта происходило на фоне революционных событий, которые оттянули на себя внимание российского общества. Тем не менее, выделяются коммеморативные практики: увековечивание памяти о погибших защитниках Отечества в «местах памяти», публикация воспоминаний комбатантов. Параллельно с этим шло анализирование итогов войны и её уроков для России, особенно это было заметно в профессиональной среде. Первая мировая война прервала процесс осмысления военного опыта и определения его места в культурной памяти.

В 1920-е – 1950-е гг. образ Русско-японской войны в культурной памяти общества претерпел существенные трансформации. Место политической элиты заняли недавние маргиналы. Некогда непопулярный, непатриотичный, «радикальный» образ Русско-японской войны получил возможность занять доминирующую позицию. Однако уничтожение героического прошлого, упразднение символов доблести предков, интернационализация истории не нашло поддержки в широких слоях населения. Общество нуждалось в комфортном прошлом. Культурный поворот 1930-х гг. нивелировал ленинскую революционную риторику и запустил процесс реставрации героических символов. Война с Японией, отдельные сражения стали примерами героизма русской армии. Кульминацией коммеморации этой темы явилась 50-летняя годовщина войны, в ходе которой на государственном уровне осуществилась легитимация героического образа Русско-японской войны.

В конце 1970-х – 1980-е гг. В. С. Пикуль реанимировал Русско-японскую войну в культурной памяти российского общества. Усталость от революционной тематики, потребность в понятной, доступной, близкой и «человечной» истории обеспечили писателю популярность. Он сконструировал героический образ войны. Разрушение идеологии в 1990-е гг. способствовало масштабным трансформациям содержания культурной памяти. Новая Россия принялась искать опору и преемственность в дореволюционной истории. В 1990-е гг. в историографии, публицистике сконструирована целая палитра образов, в которой нашлось место дореволюционным, советским и новым образам. Кристаллизации и выдвигению единого образа Русско-японской войны способствовало 100-летие кампании. Мероприятия на государственном и

общественном уровнях привели к формированию редуцированного, героического, «славного» образа Русско-японской войны.

Изучение культурной памяти приводит к важному выводу, что прошлое, представления социальных групп о своей истории – это подвижные и изменчивые конструкции. Содержание образов важнейших исторических событий и значение символов во многом зависит от современных социокультурных условий, политической и идеологической конъюнктуры. Изменчивость культурной памяти говорит о важности истории для общества и отдельных социальных групп. Через конкретные образы прошлого легитимируется настоящее. При этом объективных представлений о прошлом не существуют.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Антипин, Н. А. Метаморфозы памяти: трансформации образа Русско-японской войны в 1920–1940-е гг. [Текст] / Н. А. Антипин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 38 (176). – Сер. История. – Вып. 37. – С. 144–150 (0,7 п. л.).
2. «Фотографические карточки нашей плачевной картины»: Дневник Русско-японской войны и плена машинного квартирмейстера Ивана Вавилова [Текст] / публ. Н. А. Антипина // Родина. – 2011. – № 1. – С. 110–113 (0,5 п. л.).
3. Антипин, Н. А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики, 1954–1955 [Текст] / Н. А. Антипин // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – 2012. – Вып. 40. – С. 79–93 (1 п. л.).

Другие публикации:

4. Антипин, Н. А. Южноуральцы в войне 1904–1905 годов [Текст] / Н. А. Антипин // Московский журнал. История государства Российского (Москва). – 2004. – № 5. – С. 33–38 (0,5 п. л.).
5. Антипин, Н. А. Южноуральцы в войне 1904–1905 годов [Текст] / Н. А. Антипин // Станица (Москва). – 2004. – № 3 (43). – С. 25–26 (0,2 п. л.).
6. Антипин, Н. А. Южноуральцы в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. [Текст] / Н. А. Антипин // Календарь знаменательных и памятных дат.

- Челябинская область, 2005 / сост. И. Н. Пережогина и др. – Челябинск, 2004. – С. 142–147 (0,3 п. л.).
7. Антипин, Н. А. Русско-японская война (1904–1905) [Текст] / Н. А. Антипин, В. Г. Семенов // Челябинская область: энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарёв. – Челябинск: Каменный пояс, 2006. – Т. 5. – С. 661–663 (0,5 п. л./0,4 п. л.).
 8. Антипин, Н. А. Южноуральцы в годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.) [Текст] / Н. А. Антипин // Юбилеи России. 2005: Историко-политологический альманах / под ред. Г. А. Гончарова, М.Г. Смирнова. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. – С. 36–41 (0,3 п. л.).
 9. Антипин, Н. А. [Без названия] [Текст] / Н. А. Антипин // Московский журнал. История государства Российского (Москва). – 2006. – № 3. – С. 44–46 (0,3 п. л.).
 10. Антипин, Н. А. Памятные места Русско-японской войны 1904–1905 гг. в Челябинской области [Текст] / Н. А. Антипин // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ / под ред. Т. В. Любчанской. – Челябинск: РЕКПОЛ, 2006. – Вып. 2. – С. 96–97 (0,15 п. л.).
 11. Антипин, Н. А. Забытые имена героев Русско-японской войны 1904–1905 гг. [Текст] / Н. А. Антипин // Инфор: «Ветер времени»: материалы к поколенным росписям российских родов Урала (Челябинск). – 2007. – № 1. – С. 26–38 (1,2 п. л.).
 12. Антипин, Н. А. Николай II [Текст] / Н. А. Антипин // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2008 / сост. И. Н. Пережогина и др. – Челябинск, 2007. – С. 124–129 (0,5 п. л.).
 13. Антипин, Н. А. Организаторы госпиталей на Южном Урале в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. [Текст] / Н. А. Антипин // Архивы России на службе общества и государства: Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию создания архивной службы России / гл. ред. А. П. Финадеев. – Челябинск, 2008. – С. 127–129 (0,15 п. л.).
 14. Антипин, Н. А. Шатров Илья Алексеевич [Текст] / Н. А. Антипин // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2009 / сост. И. Н. Пережогина и др. – Челябинск, 2008. – С. 126–130 (0,35 п. л.).
 15. Антипин, Н. А. «Война образов»: русско-японский конфликт 1904–1905 гг. в восприятии современников [Текст] / Н. А. Антипин // Студенческая наука: поиски и открытия: Материалы межвузовской студенческой конференции / под ред. Т. Ф. Берестовой; сост. Ю. П. Степанова, С. В. Кис. – Челябинск: ЧГАКИ, 2008. – С. 160–162 (0,15 п. л.).

16. Антипин, Н. А. Белорецкий Григорий Прокопьевич [Текст] / Н. А. Антипин // Челябинская область: энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарёв. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 1. – С. 357–358 (0,05 п. л.).
17. Антипин, Н. А. Благовидов Николай Васильевич [Текст] / Н. А. Антипин // Челябинская область: энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарёв. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 1. – С. 410 (0,03 п. л.).
18. Антипин, Н. А. Езерская Екатерина Кирьяновна [Текст] / Н. А. Антипин // Челябинская область: энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарёв. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 2. – С. 233–234 (0,03 п. л.).
19. Антипин, Н. А. Климович Ипполит Казимирович [Текст] / Н. А. Антипин // Челябинская область: энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарёв. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 3. – С. 244 (0,03 п. л.).
20. Антипин, Н. А. Нарышкина Александра Николаевна [Текст] / Н. А. Антипин // Челябинская область: энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарёв. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 4. – С. 504 (0,06 п. л.).
21. Антипин, Н. А. 100 лет «русскому национальному вальсу» [Текст] / Н. А. Антипин // Век вечного вальса: 100-летие вальса «На сопках Маньчжурии» Ильи Алексеевича Шатрова»: сборник / сост. Г. Т. Богдан; ред. Г. Л. Швец, И. А. Бывалова. – Челябинск: ЧГАКИ, 2009. – С. 135 (0,15 п. л.).
22. Антипин, Н. А. В поисках доблестного прошлого: «реабилитация» героических символов Русско-японской войны в середине 1930-х–1940-е гг. [Текст] / Н. А. Антипин // Великая Отечественная война в студенческих исследованиях: Материалы Всероссийской студенческой научной конференции (12 ноября 2009 г.). – Воронеж: Воронежский филиал Российского нового университета, 2009. – С. 15–21 (0,5 п. л.).
23. Антипин, Н. А. Кинофильм «Крейсер “Варяг”»: Визуализация героизма [Текст] / Н. А. Антипин // Тобольск научный – 2009: Материалы шестой всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти А.А. Дунина-Горкавича. – Тобольск: Папирус, 2009. – С. 128–130 (0,4 п. л.).
24. Антипин, Н. А. Комплекс документов военных госпиталей периода Русско-японской войны в Объединённом государственном архиве Челябинской области [Текст] / Н. А. Антипин // Архивы и историческая наука: Материалы международной межвузовской студенческой конференции / отв. ред. А. Р. Соколов. – СПб., 2009. – С. 22–27 (0,3 п. л.).
25. Антипин, Н. А. Организация и функционирование военных госпиталей и лазаретов на Южном Урале в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. [Текст] / Н. А. Антипин // Вторая Всероссийская студенческая историко-

- регионоведческая конференция. Санкт-Петербург, 24–26 октября 2008: Доклады и сообщения / под общ. ред. проф. А. Ю. Дворниченко и Ю. В. Кривошеева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – С. 257–262 (0,3 п. л.).
26. Антипин, Н. А. Трансформация памяти о Русско-японской войне 1904–1905 гг. на Южном Урале [Текст] / Н. А. Антипин // Наш край: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научных студенческих конференций 2007–2008 гг., посвященных памяти канд. ист. наук, доцента кафедры отечественной истории и МПИ В. П. Латышиной / гл. ред. Г. С. Шкребень. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2009. – С. 32–36 (0,15 п. л.).
27. Антипин, Н. А. Историография Русско-японской войны (1920–1950-е гг.) [Текст] / Н. А. Антипин // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ / под ред. Т. В. Любчанской. – Челябинск: РЕКПОЛ, 2009. – Вып. 4. – С. 75–76 (0,15 п. л.).
28. Антипин, Н. А. Поэтический образ Русско-японской войны 1904–1905 гг. / Н. А. Антипин // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ / под ред. Т. В. Любчанской. – Челябинск: РЕКПОЛ, 2009. – Вып. 4. – С. 45–47 (0,15 п. л.).
29. Антипин, Н. А. Фотоальбом боевой жизни: придуманная война [Текст] / Н. А. Антипин // Материалы XLVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. – Новосибирск: НГУ, 2009. – С. 122–124 (0,15 п. л.).
30. Антипин, Н. А. Образы Русско-японской войны: трансформация памяти, 1904 – начало 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Антипин // Россия и мир в конце XIX – начале XX века: материалы Третьей всероссийской научной конференции молодых учёных, аспирантов и студентов (Пермь, Пермский государственный университет, 4–8 февраля 2010 г.). – Пермь, 2010. – С. 12–15 (0,2 п. л.).
31. Антипин, Н. А. Экранизация героизма: кинофильм «Крейсер “Варяг”» [Текст] / Н. А. Антипин // Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы междунар. науч.-творч. форума (Челябинск, 2–3 ноября 2010 г.) / сост. Е. В. Швачко. – Челябинск, 2010. – Ч. 1. – С. 235–240 (0,2 п. л.).
32. Антипин, Н. А. Дрожников Степан Нестерович, участник русско-японской войны 1904–1905 гг. [Текст] / Н. А. Антипин, А. Н. Калинин // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2011 / сост. Л. А. Величкина, И. Н. Пережогина, Н. М. Устинова. – Челябинск, 2010. – С. 216–218 (0,3 п. л./0,25 п. л.).
33. Антипин, Н. А. Образы Русско-японской войны в художественных произведениях советских писателей 1930-х – 1950-х гг. [Текст] /

- Н. А. Антипин // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XXI вв. – М.: ИВИ РАН, 2011. – С. 228–230 (0,2 п. л.).
34. Антипин, Н. А. «Советизация» памяти: образы Русско-японской войны в 1920-е – 1950-е гг. [Текст] / Н. А. Антипин // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов (14–15 апреля 2011 года, Санкт-Петербург). — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – С. 14–20 (0,3 п. л.).
35. Антипин, Н. А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики, 1954–1955 гг. [Текст] / Н. А. Антипин // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2012» / отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2012 (0,2 п. л.).
36. Антипин, Н. А. Многоликий противник: образ врага в русском обществе в годы войны 1904–1905 гг. [Текст] / Н. А. Антипин // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ / под ред. И. М. Нохрина. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – Вып. 7. – С. 24–29 (0,3 п. л.).
37. Антипин, Н. А. Коммеморация Русско-японской войны в культурной памяти на Южном Урале [Текст] / Н. А. Антипин // «Во славу русского оружия»: мат-лы науч.-практич. конф., посвящ. Отечественной войне 1812 года. – Челябинск, 2012. – С. 159–163 (0,25 п. л.).
38. Антипин, Н. А. Российское общество после Русско-японской войны 1904–1905 гг.: встраивание военного опыта в коллективную память [Текст] / Н. А. Антипин // Общество и государство: социокультурные аспекты взаимодействия: Сборник по межвузовской научно-практической конференции (31 мая 2012 г.) / науч. ред. О. С. Нагорная. – Челябинск: Уралпечать, 2012. – С. 29–44 (0,8 п. л.).
39. Антипин, Н. А. Русско-японская война в культурной памяти советского общества, 1954–1955 гг. [Текст] / Н. А. Антипин // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов II Всероссийской молодежной научной конференции. – Новосибирск: Параллель, 2012. – С. 273–281 (0,8 п. л.).

Типография Южно-Уральского государственного
института искусств им. П. И. Чайковского
г. Челябинск, ул. Плеханова, 41